

В. С. Гольщенко

Конец строки и приемы его маркирования в раннем восточнославянском письме

При изучении письма ранних восточнославянских рукописей обращает на себя внимание особое отношение их писцов к организации текста на листе и его оформлению, в частности, начала и в особенности конца строк.

Большая часть особенностей графического и орфографического характера, наблюдаемых в раннем восточнославянском письме, в том числе и в абсолютном конце строк, обусловлена, помимо чисто лингвистической необходимости передать на письме те или иные звуки и их сочетания, прежде всего экономией пергамента вследствие его высокой стоимости. И лишь затем — стремлением украсить само письмо и сделать более удобным для чтения текст, расположенный на листе в два столбца. Надо полагать, эти цели и явились побудительным мотивом для изобретения в свое время и более или менее последовательного использования на письме некоторых графико-орфографических приемов, в частности, приемов маркирования абсолютного конца строк.

С помощью применения определенных графико-орфографических приемов именно в конце строки указанные цели могли быть совмещены и достигнуты одновременно. Рассмотрению этих приемов, нашедших с той или иной степенью последовательности отражение в раннем восточнославянском письме, и посвящена настоящая статья. Затрагиваемые в ней вопросы имеют непосредственное отношение к проблеме культуры раннего восточнославянского книжного письма в целом и его взаимодействия с южнославянской письменностью, а также, в частности, к проблеме формирования собственных древнерусских графико-орфографических норм, отличных от южнославянских, то есть к проблеме становления древнерусского правописания.

Замечено, что именно в абсолютном конце строки в раннем восточнославянском письме довольно ярко проявляются некоторые осо-

бенности графики и орфографии. Так, давно известно о существующем в древнерусских рукописях так называемом «правиле конца строки», согласно которому абсолютный конец строки должен был оканчиваться на букву гласного. В. Н. Сидоров писал по этому поводу следующее: «В основе орфографического правила, допускающего при переносе на конце строки только гласную, лежала естественная тенденция переносить по слогам. При таком переносе само собой получалось, что строка оканчивалась гласной, поскольку слоги в древнерусском языке были открытыми» [Сидоров 1966: 26].

Сопоставительное наблюдение за употреблением букв в абсолютном конце строки в ранних южно- и восточнославянских рукописях показывает, что это «правило конца строки» последовательнее проведено в древнерусском, чем в южнославянском письме.

Данные орфографического характера нередко используются для подтверждения того или иного чисто языкового доказательства. Так, чрезвычайно интересная особенность в передаче написаний типа *tǫrt, *tǫrt при переносе в рукописи «Слова Ипполита об антихристе» XII в. (ГИМ, Чуд. 12) позволила нам предложить ее, по мнению В. Н. Сидорова, «простое и убедительное истолкование» [Сидоров 1966: 23]. Обусловленность появления написаний этого типа с буквой согласного в абсолютном конце строки послужила для нас в свое время основанием для предположения о слоговом характере плавных [л], [р] в указанных сочетаниях [Гольщенко 1962: 20-28].

В настоящее время в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН ведется работа по подготовке лингвистического издания Типографского Е вангелия XII в. (далее ТЕ). Изучая приемы начертания и употребления букв в этой рукописи, мы, естественно, не могли не заметить интересных графико-орфографических особенностей, встречающихся именно в конце строк. В данной статье в основном использован для иллюстрации тех или иных положений материал, извлеченный из ТЕ, где приемы графико-орфографического оформления конца строки, встречающиеся в ранних восточнославянских рукописях подчас раздельно, представлены наиболее полно.

Для художественного оформления текста, как известно, использовали киноварные и в красках орнаментальные заставки, большие рисованные и простые малые инициалы, заголовки произведений и отдельных их частей, строчные знаки абзацев и другие элементы украшения, имеющие в основном как бы внешний характер. Немаловажную роль играло в данном случае и использование различного рода графико-орфографических средств или приемов, употребляемых при написании самого текста.

Архитектоника листа рукописи, его организация и композиция, требовала в зависимости от размера листа определенного соотношения площади, занимаемой текстом, и площади свободного от текста пространства. Текст при этом мог быть расположен на листе в один или два столбца. В последнем случае определенную роль выполнял межстолбцовый просвет, который обычно занимал значительно меньшую часть листа по сравнению с окружающими текст полями.

Каждый столбец текста имеет как бы две воображаемые вертикальные границы: одну — слева, ограничивающую текст перед первыми буквами всех строк столбца, а другую — справа, образуемую последними буквами этих строк. Нередко обе эти воображаемые границы совпадают с вертикальными линиями разлиновки листа. Строго обычно соблюдается левая граница столбца: первый буквенный знак каждой последующей строки столбца помещается под первым буквенным знаком предшествующей строки. Исключения, в том числе и в ТЕ, редки, и к ним не относятся размещенные полностью или частично на поле листа малые и большие инициалы, а также единичные случаи написания уже на поле перед первой буквой строки отдельных буквенных знаков или целых слов, обязанных своему появлению правке писцом ошибочного написания на правильное.

В ТЕ писец всего один раз нарушает эту воображаемую границу столбца, которая приобретает вид ломаной линии. Так, без видимой причины, на л. 28 об. писец помещает первую букву 16-ой строки на поле, а не под первой буквой 15-ой строки. И, таким образом, строки с 16-ой и по 23-ю этого столбца выступают на один буквенный знак на внешнее поле листа. В тех случаях, когда на поле выносятся инициалы, заголовки чтений и другие тексты справочного характера, например на л. 65в, первые буквы одной-двух строк текста пишутся немного отступя вправо от вертикальной линии границы.

Правая граница столбца даже при всем старании писавшего, обычно соблюдается не столь строго, как левая. Главной причиной этого является различная ширина письменных знаков. Строки в столбце могли быть и обычно были разной длины, чаще всего одна длиннее или короче другой на один-два буквенных знака. О стремлении писца выровнять правую границу столбца свидетельствует ряд обстоятельств и фактов. С этой целью писавший использовал функциональные эквиваленты буквенных знаков. В силу необходимости уменьшить или увеличить длину строки текста он употреблял чаще всего их узкие или широкие графические варианты, обозначающие один и тот же звук: в ТЕ, например, н - њ; ѡ - о; ѣ - ю, ѣ (ижца); ж, оу - ѳ; к - е; ѿ - ѡ и т. д.

Интересно сопоставить в ТЕ два разных написания одного и того же слова в зависимости от того, пишет ли писец размашисто буквами крупного размера или убористо мелкими буквами. На л.61б 19-ая строка состоит из одного слова, в котором имеется 15 буквенных знаков, в том числе три диграфа **оу**: **ослабленоуоумоу**. На том же листе в столбце «в» 20-ая строка состоит из двух слов и содержит 16 буквенных знаков: **гла ослабленжоумж**. Место в строке для лишних трех строчных букв в последнем случае сэкономлено за счет употребления вместо более широких двух диграфов **оу** двух монографов **ж**. Таким образом, в строке, по чаще всего в ее абсолютном конце или в непосредственной близости к нему, когда было ясно, что имеется избыток или недостаток места, могли оказываться то узкие буквенные знаки, то широкие. Поэтому на одном и том же листе и в одном и том же столбце в ТЕ могли появиться разные написания одного и того же слова, например: с одной стороны, **реченок** 5г 7, но **рече|нъин** 5г 16; **оць|мь** 19а 6, но **о|ць|мь** 19а 1; **народъ|** 27в 2, но **нар|о|домъ** 27в 22; **нюден** 129г 24, но **ни|деомъ** 129г 15, с другой, — **по|мъ|шлають** 61в 7 и **по|мъ|шлакте** 61в 9, **ходь|ща** 29г 23 и **видь|ща** 30а 2.

Прокорректировать длину строки с целью укоротить ее было возможно с помощью употребления сокращенных написаний слов без выноса буквы под титло или с выносом буквы под титло и без него. Древнерусскому письму был известен также вынос над строкой в несокращенном написании слова конечной буквы гласного, которой должна была заканчиваться строка. В последнем случае вынесенным над строкой, как и в греческом письме, мог быть даже только элемент буквенного знака, например, усики буквы **Ѹ** в виде ^у: в И73 — **кѹ|же** 76а, **вѣн|ѣ** 72в и т. д. Эта конечная выносная буква в несокращенном написании слова, употребленном в конце строки, нисалась либо под титлом, либо без него. В ТЕ этот прием распространен довольно широко. В уставном письме в такого рода написаниях несокращенного слова выносились только буквы гласных. Случаи вынесения в указанном положении буквы согласного являются для рассматриваемого времени выносом над сокращенным за счет конечной буквы редуцированного написанием, например, **слъ|шѣ** 26а 12.

В ТЕ над несокращенным написанием в конце строки отмечены буквы **а, о, е, ї, Ѹ, ѡ**, например, **зн|меньк** 53а 9, **вл|жени** 168г 11, **рек|ша** 164г 16, **в|дою** 59в 12, **дондеж|** 159а 10, **пр|детъ** 161в 15, **кѹ|** 24а 21, **съ|кѣ|твою** 27а 19.

Значительное число аналогичных написаний несокращенных слов, представленных и в других древнерусских рукописях, например, в И73, свидетельствует о существовании в системе раннего восточносла-

Сравнительно редкие случаи нарушения «правила конца строки» на букву гласного в тексте ТЕ строго регламентированы¹. К ним относятся, во-первых, сокращенные написания двух слов **іс** или **ісѣ** и **хѣ**, которые в таком же облике обычно представлены и внутри строки (**іс** 136г 13) и, во-вторых, — отмеченные спорадически написания с буквой согласного в абсолютном конце строки, после которых ставятся четыре расположенные крестообразно точки, то есть четырехточие (:·), завершающее текст того или иного чтения, в том числе и после слова «конец» (например, **конѣц** :· 131в 15), а также заглавия чтений в оглавлениях, например, **спѣителев** :·| 84б 4, **евангеліст** :·| 2а 20.

Одним из маркирующих конец строки приемов могут выступать буквенные знаки необычного и даже экзотического для восточнославянского письма рисунка. Таким буквенным знаком является известный ранним болгарским рукописям так называемый «третий юс», объединяющий в своем начертании буквы **ж** и **л**. Появление этого знака в болгарских письменных памятниках XII—XIII вв. связано с меной букв **ж** и **л** при определенных условиях. Употребление этого знака в абсолютном конце строки отмечено во фрагменте галицко-волинской рукописи евангелия апракос XII в., хранящемся в Софии в Народной библиотеке Кирилла и Мефодия (далее Соф. Ев.)². Следует заметить, что по сравнению с ТЕ «правило конца строки» на букву гласного в этом фрагменте соблюдается менее строго.

Буквенный знак «третий юс» в рассматриваемом фрагменте употребляется только в соответствии с *Q и *и. За исключением одного случая — **трьдъ** 10г 14 — этот буквенный знак употреблен писцом только в конце строки: **дрюгъ|ю** 7г 14 (ср. **дрюгю|ю** 7г 17), **тж**| 8б 18, **пастгъ|хъ** 8в 5, **нашемъ|** 10а 24, **разъ|мѣвъ** 10г 12, **примъ|** 11в 18, **кж|ръ** 14б 15. Всего лишь один раз в указанном положении и в соответствии с *Q отмечена буква «юс большой» — **живж|цими** 13в 6. В отношении еще одного написания, в котором «юс» употреблен в соответствии с *Q — **мж|дрън** 6г 18 — трудно утверждать в силу плохой сохранности этого буквенного знака, что это — **ж** или **л**. Других написаний с **ж** или **л** в данном фрагменте не встретилось, что и

¹ Это положение не распространяется на месяцеслов, в котором вследствие особой специфики текста, допускающего большое количество сокращений, данное «правило» проведено менее строго.

² Б. Цонев датировал этот фрагмент Евангелия в 14 л. XIII—XIV вв. [Цонев 1910: 26]. Независимо от И. Тога, который относит этот отрывок к XII—XIII вв. [Тот 1973], и О. А. Князевской, датировавшей его XII в. [Князевская 1984], работы которых нам стали известны лишь недавно, этот фрагмент отнесен нами к XII в.

дает возможность считать, что эти буквенные знаки использовались писцом для маркирования конца строки, с целью сэкономить место в строке, поскольку этот буквенный знак занимает меньше места в строке, чем диграф **оу**, и, возможно, с целью украшения письма. Чаще, чем «третий юс» и юс большой, в целях экономии места в конце строки писец данного фрагмента использовал **Ѹ**: **вѸдеть** 1а 20, **мьздѸ** 1в 5, **дѸхъ** 4г 24, **кмѸ** 4г 21, 10в 3, **дѸшѸ** 9в 16 и др. Об этом свидетельствует не только то, что буква **Ѹ** не в конце строки писцом не употребляется, но и то, что в строке, а также тогда, когда в конце строки еще остается место, он пишет диграф **оу**, занимающий больше места и позволяющий потому выравнивать воображаемую линию вертикальной границы столбца. Вследствие этого, надо полагать, появились написания: **насоуѸцини** (так!) 1а 23, **отъпоуѸцакмъ** 1б 1, **емоуѸ** | 2в 9 и мн. др.

Интересной графико-орфографической особенностью в ТЕ является достаточно широкое употребление буквенного знака в виде **ѹ** или изредка **Ѻ** в том случае, когда постановке над ним надстрочного знака в виде сдвоенного акута (") мешают титло или хвосты букв, расположенных строкой выше. Употребление этого знака на месте букв **и**, **ю**, **ѳ**, **в** и наряду с ними, подчас в одних и тех же словах указывает на то, что это — ижица, которая в древнейшей кириллице по начертанию обычно была тождественна второму элементу диграфа **оу**.

К сожалению, не всегда из работ, посвященных изучению письма древнерусских рукописей, можно узнать, употребляется ли в них ижица. Так, например, при перечислении представленных в Бычковской псалтыри XI в. букв Р. Н. Кривко пишет: «Первый писец использует следующий состав азбуки: ...оу (ѹ, Ѹ)...» [Кривко 1998: 4]. Для XI в. употребление монографа **ѹ** как функционального эквивалента **оу** маловероятно. По-видимому, речь должна была бы идти об ижице.

С ижицей пишутся в ТЕ, как и следовало ожидать в раннем восточнославянском письме, слова неславянского происхождения, как правило, имена собственные, топонимы и т. п., например: **сѹнагоговѣ** 89б 23, **сѹкоморню** 121г 3, **сѹхарь** (топоним) 139б 22, **вавѹлонскок** 3в 6, **сѹрофѹниксангыни** 70г 21, **тѹрьскы** 70г 11, **нинѹгитѹстни** 23а 12, **лаѹра** 190в 20, **паѹла** 190а 17. «Экзотически», как и «третий юс» в Соф. Ев., выглядит частое употребление в ТЕ ижицы в написаниях слов славянского происхождения (в том числе и в древних заимствованиях, таких как, например, слово «блюдо»). Ижица в написаниях этих слов отмечена преимущественно в конце строки, например:

после л: **лѹѹвиши** 169в 17 (ср. **любиши** 169в 24), **покмѹѹтъ** 119г 12, **оуѹчителѹ** 81б 14, **на вѹѹдѣ** 68аб 1. Преимущественно в указанном по-

ложении употребляется лигатура из л+ѣ(ѣ), например, на землѣ 111г 1, прѣклѣчиша ... сѣ 112а 20, гъвѣлѣ 116б 5, покмѣтѣ 119г 15, гѣще 131а 18, павѣлѣ сѣ 159г 16, заплѣють 121б 6, гѣлѣ 162в 1, гѣще 123в 12;

после р: творѣлѣ 160б 15, морѣлѣ 89б 21, горѣшнѣ 65в 5 (ср. горюшьноу 25б 14, горюшьно 118г 5);

после с: всѣ 100в 12, всѣ 60б 21, сѣдѣ 166б 18, ѿсѣдоу 113в 18 (ср. отъсѣдоу 160б 16), ѿсѣдоу 118б 8;

после ш: вѣвѣшѣоумоу 170об. 20, вѣснѣвѣшѣлѣ 88б 8, приближшѣлѣ ... сѣ 121в 6, шѣница 11а 5, сѣвѣвѣшѣлѣ 24г 22, чашѣлѣ 52а 5 (ср. чашю 38в 17);

после щ: ѿпоушѣлѣ 71в 10 (ср. ѿпоушю 55б 17), нишѣлѣ 64а 7;

после ч: притѣчу 115в 10 (ср. притѣчу 24г 18);

после ж: помажѣлѣ 88б 5, положѣлѣ 125а 22, вѣжѣлѣ 140а 8;

после жд: прихѣдѣлѣ 139г 21, жѣжѣлѣ 166г 19 (ср. жѣдѣю 139г 21);

после ц: вѣ тѣмнишѣлѣ 9в 8, лѣднѣшѣлѣ 66б 4.

Ижица, обозначаемая в ТЕ как ѣ (ѣ), выполняет в словах славянского происхождения, как видим, свою, присущую ей функцию: употребляется после букв только мягких согласных, как парных по твердости-мягкости [л, р, с], так и непарных [ц, ч, ш, щ, ж, жд], наряду с ю и ѣж (например, кѣлѣщю 26а 23, ошѣжлѣ 11г 17, хѣдѣщѣж 78в 23).

Из ранних восточнославянских рукописей аналогичное ТЕ употребление ижицы в виде ѣ, представленное тоже значительным количеством примеров, нам до сих пор было известно лишь в Служебных минеях XI—XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 99, 103, 110, 121, 125) [Гольштенко 1982: 3-29].

Одним из приемов экономии писцом места в строке и украшения письма было употребление букв большего размера, чем строчные. В ТЕ в их роли выступают Т, Ё, Г, Ъ, А. Их отличие от строчных букв состоит не столько в графическом облике в целом, сколько в изменении размера и в приемах начертания их отдельных деталей или элементов. В основном они повторяют рисунок аналогичных строчных букв, становясь крупнее за счет одновременного удлинения мачты, а также перекладки или коромысла, плеча. Часть мачты и остальные из указанных деталей оказываются над уровнем строчных букв, уже в междустрочье. Удлиненные мачты при этом могут быть перечеркнуты небольшой расположенной горизонтально черточкой. По сравнению со строчными буквами у этих буквенных знаков большего размера видоизменяется и рисунок отдельных составляющих деталей или элементов. Концы перекладки и плеча, к которым у строчных букв прикрепляются небольшие опущенные вниз треу-

гольнички, загибаются, изменяется направление этих появившихся загибов или ограничительных штрихов: слева — вверх, а справа — вниз. У буквенного знака **а**, употребляющегося в абсолютном конце строки, при сохранении размера петли, равной высоте строчной буквы, изменяется мачта. Прямая, несколько наклоненная к началу строки у строчной буквы мачта изгибается, становится извилистой, несколько напоминая латинскую букву *s* — **д**. В ТЕ она отмечена на л. 91б 6, 105б 18 и др. Встречается она и в И73.

Такие увеличенного размера и украшенные буквенные знаки, употребляющиеся спорадически в строке, кроме ее абсолютного начала, и обычно в абсолютном конце строки, если это буквы гласного, или в непосредственной близости к ее концу, если это буквы согласного, принято называть «декоративными».

О спорадическом характере употребления декоративных букв свидетельствует в ТЕ, например, следующий факт. На л. 118 в конце строк 1-ой и 19-ой в столбце «б» два раза употреблено декоративное **д**: соответственно **лаздрь** и **аврамъ**. Здесь же, на л. 118, но в столбце «а» в конце 9-ой строки присутствует написание родственного указанному выше слову — **аврамле**, но с буквой **а** обычного для этого строчного буквенного знака рисунка.

Отмеченные выше графические особенности и отдельные детали, свойственные декоративным буквам, могут быть использованы писцом при внесении им исправлений. Так, например, особого рисунка мачту, присущую декоративному **д**, писец ТЕ применяет при правке строчной буквы **о**, находящейся в середине строки на л. 118а 3, на **а**. Эта правка заключается в присоединении справа к овалу **о** извилистой линии — **паддющихъ**.

Декоративные буквы не могут выступать в роли палеографических примет, потому что их графический облик существенно не изменяется во времени. Вместе с тем сведения, полученные при анализе приемов начертания и употребления декоративных букв, должны быть использованы дополнительно как доказательный материал при определении количества почерков и писцов в рукописи или идентификации почерков в двух или нескольких письменных памятниках.

Одним из важных назначений декоративных букв является их употребление в составе лигатур, которые выполняют аналогичную этим буквам роль. Экономия места в строке при употреблении лигатур происходит за счет сокращения ширины двух строчных букв до одной (**Ѣ**, **Ѧ**, **Ѧ** и т. п.) или ширины трех букв до двух (**ѣѢ** вместо **ѣѣѣ** или **ѣѣѣ**).

Основой связки двух или трех букв является обычно сокращение числа их элементов, как правило, мачт. К мачте первой, декоративной или строчной, из двух связываемых букв прикрепляются остальные элементы соединяемых воедино буквенных знаков: петли, овалы, навершие, плечо или головка, мачты (**Ѣ, Ъ, Ы, Ь, шю, ѿ, н, џ** и т. д.). Значительно реже общей деталью лигатуры выступают прямые наклонные линии (**ѡ** из **л** и **ѣ**, **ѣ** из **м** и **ь**). Перекладина декоративной буквы **Т**, плечо **Ъ**, головка **Г** и навершие **Ѣ** в лигатурах располагаются над верхним уровнем строчных букв или в междустрочье, а хвосты буквенных знаков — под нижним уровнем строчных букв (**Ѣ, ѿ, ѡ**). Единичными написаниями представлены в ТЕ лигатуры **шю** (**ш+ю**), **ѣ** (**м+ь**), **џ** (**н+џ**).

Лигатуры, оканчивающиеся на букву гласного, расположены согласно «правилу конца строки» в абсолютном конце строки. Те же из лигатур, в которых вторым из связываемых буквенных знаков является буква согласного, находятся внутри строки или значительно чаще в непосредственной близости к ее концу.

С помощью лигатур, употребленных в конце строки, также не только экономится место и украшается письмо, но и с целью удобства чтения двухстолбцового текста маркируется воображаемая вертикальная граница столбца.

В лингвистических изданиях, выполненных набором, декоративные буквы и лигатуры не передаются. Публикаторы ограничиваются их описанием в вводных разделах, сопровождающих издаваемый текст. О наличии и составе лигатур сообщается всякий раз в комментариях к публикуемому тексту.

С употреблением лигатур в ТЕ связана очень интересная графико-орфографическая особенность, отличающая письмо этой рукописи от всех известных нам до сих пор систем письма ранних восточнославянских памятников. Имеется в виду употребление в ТЕ в конце строк немаркированной лигатуры **Ѣ**, в том числе и в составе лигатуры **Ѣ**.

Имея устойчивый интерес к изучению графического облика, рисунка, начертания и употребления в раннем восточнославянском письме немаркированных буквенных знаков (ижицы, «третьего юса», **Ѣ**, составленного из **џ** и **ч**) [Гольишенко 1982; она же 1987а; она же 1987б; она же 1995], мы, естественно, не могли не обратить внимания на случаи неразличения в ТЕ **ѡ** и **ь** в составе лигатуры **Ѣ**.

В лингвистическом издании, допускающем раскрытие лигатур, необходимо определить их буквенный состав. Произвольное раскрытие немаркированной лигатуры в лингвистических изданиях исключается, ибо в этом случае публикуемый текст становится лингвистически не-

достоверным, а потому и малопригодным для такого рода исследований. Как известно, «...узпать в подлиннике все буквы и знаки и определить их взаимоотношение — первейшая задача каждого публикатора древнерусских и старорусских текстов» [Бахтурица 1963: 57].

В связи с этим обнаруженная в ТЕ такая графико-орфографическая особенность, как употребление немаркированной буквы редуцированного в составе лигатуры, несомненно заслуживает внимания, поскольку может иметь значение для изучения истории раннего славянского письма, взаимодействия южно- и восточнославянских письменных систем.

Об употреблении такого рода лигатуры с немаркированной буквой редуцированного в ранних восточнославянских рукописях до сих пор не было известно.

Составляющими лигатуры **Ѣ**, входящей также и в лигатуру **Ѣі**, являются декоративное **Т**, высокая мачта которого обычно (исключения крайне редки) перечеркнута по горизонтали штрихом, и немаркированная буква редуцированного. Считать буквенный знак редуцированного немаркированным позволяет то, что лигатуре **Ѣ**, употребленной в одном и том же положении (в конце строки, в строке), а также подчас в одних и тех же словах, соответствуют, с одной стороны, написания **тъ**, **ТЬ**, а с другой — **тъ**, **тЪ**, **ТЬ**, а лигатуре **Ѣі** — **тъі**, **тЪі**, **ТЬі**.

В подавляющем большинстве случаев окончанию 3л. ед. и мн. числа глаголов соответствует в ТЕ написание **-тъ**. Вместе с тем в положении абсолютного конца строки это окончание иногда представлено в виде лигатуры **Ѣ**. Значительно реже с этой лигатурой пишутся имена существительные, например: **снѣкъ** | 10в 16, **прѣѢ** | 56в 13, **къѢ** | 24г 1, **да продѣѢ** | 128б 14, **бъѣѢ** | 116а 13, **творѣѢ** | 117г 18, **ѣѢ** | 113г 23, **чѣѢ** | 111в 6, **видѣѢ** | 24б 4, **оставляюѢ** | 119г 13, **рекоуѢ** | 119б 17, **свѣдѣтельствоюѢ** | 118 б 16, **причасѢ|никомъ** 100в 20, **радосѢ** | 93г 15 и др. Отмечено написание рассматриваемой лигатуры в единичных случаях в строке и в непосредственной близости к концу строки, например, **нѣѣѢ** 65а 19, **власѢ такж** | 175б 25.

О том, что данная лигатура действительно передает сочетание двух букв **т+Ѣ**, свидетельствуют многочисленные написания такого рода как в конце строки, так и в строке, при этом нередко в тех же самых словах, например: **видѣѢ** | 117в 15, **къѢ** | 109в 13, 110г 24, 157а 7, **расѢ|рза** 53г 24, **наслѣдѣѢ** | 8б 6, **вѣспоманѢѢ** | 160а 13, **градѢѢ** | 160б 9 и без перечеркивания мачты штрихом — **речеѢ** | 113б 14, **понмеѢ** | 23б 15, а также: **оставляюѢ|тъ** 119г 16, **полагають** 69а 5, **ищеть** 30в 8, **сѣѢ** 117б 18, **жалость** 137б 14.

Лигатура **Ѣ** в соответствии с сочетанием **т+ъ** в абсолютном конце строки употреблена в ТЕ в следующих случаях: **Ѣ|кмо** 16б 23, **извѣ|ѣ|кы** 71г 12, **извѣ|ѣ|ка** (так!) 81б 6, **въспѣ|ѣ** | (аор. ед. Зл.) 86а 19, **Ѣ|гда** 39б 11, 114б 5, 166б 9, **скръжь|ѣ** | 26а 6, **Ѣ** | (местоим.) 26г 23, 53б 16, 180а 8, **свѣ|ѣ** | 32а 2, **домови|ѣ** | 41б 7, **на Ѣ|ржици** 37в 8, **лѣ|ѣ** | **.ѣ.** 67а 12, **приѢ|чани** 24а 13, **ѣа|ѣ** | (богатъ — В. Г.) 114в 1, **пила|ѣ** | 165а 15, **въздрасѣ|** | (сущ. ед. вып.) 151б 21, **трикраѣ|** | 129б 122, **поѢ|щавъ сѣ** 121г 10, **погаѣ|** | (аор.ед. Зл.) 73б 12, 84в 1, **вѣѣ|сѣ** 62б 6, **начаѣ|** | (аор. ед. Зл.) 84в 3, **оѢ|пвсти** 130б 22, **кодраѣ|** | (имя собств.) 180б 24.

В подавляющем же большинстве случаев в ТЕ представлены в аналогичном положении написания с **ѣъ, тѣъ, тѣъ**, при этом нередко в тех же самых словах, например, **тѣ|** | 191г 17, **тѣ|** | 107в 1, **тѣ|гда** 23б 14, **ѣ|гда** 54б 11, **оѣ|** | 109в 10, **оѣ|ѣ** | 56а 5, **притѣ|чю** 25в 2, **притѣ|чю** 24г 18. Внутри строки те же самые слова отмечены тоже написаниями с **тѣъ**, например, **скръжьтѣъ** 26в 1, 48в 13, **свѣ|тѣъ** 150г 3, **притѣ|чю** 25б 11, **тѣщаникъѣ** 91г 24, **ветѣ|хы** 62б 15, **кодратѣъ** 112а 19.

Полагать, что лигатура **Ѣ** употребляется в глагольных формах 3-го лица только вследствие замены древнерусским писцом старославянского окончания **-тѣъ** на **-тъ** не приходится, так как в ТЕ та же самая лигатура, как видим, употребляется вместо сочетания **т+ъ** и при написании имен существительных, прилагательных, местоимений, наречий, причастий. Главным условием употребления этой лигатуры в ТЕ, хотя и не проведенным последовательно, является местонахождение обозначаемых ею сочетаний **т+ъ** и **тѣъ** — конец строки.

Аналогичная картина наблюдается в ТЕ и с употреблением лигатуры **Ѣ** в составе буквы «еры». Отмечено всего несколько написаний такого рода в конце строки: **Ѣ|** | 14а 6, 48г 14, 69в 7, 135а 19, 21, 139в 21, **Ѣ|сѣща** 30б 10, **трикраѢ|** | 52б 12, **аромаѢ|** | 88б 4, **пасѢ|рь** 152в 16, **пасѢ|рь** 152г 6, **оулиѢ|** | 190б 9, **сѢ|па** 190б 19 и одно — в строке на л. 137а 8. На первый взгляд, в начертании лигатуры **Ѣ** на л. 137а 8 имеется некоторое отличие: слева к высокой мачте **Т** как будто присоединена крушая точка, которую при желании можно принять и за плечо **ѣ**. Однако, по нашему мнению, в данном случае имеет место результат правки написанного самим писцом. Он мог ошибиться при переписывании, приняв конечную букву слова **тачѣѣк** за начальную букву следующего слова, которое, в свою очередь, мог ошибочно принять за широко представленное в памятнике написание слова **късть** с лигатурой на конце. Заметив же опisku, писец в небольшое межбуквенное (между **к** и лигатурой **Ѣ**) пространство вписал точку. Будучи поставленной ближе к букве **к** эта точка ста-

да бы лишь продолжением язычка данной буквы. Отодвинутая же от язычка **к** она оказалась не только зрительной, но и явно присоединенной к мачте лигатуры.

Во всех остальных случаях букву «еры» в ТЕ писец пишет только через **ъ** или декоративный **Ѣ**, например:

имы 20в 2, **вѣы** 97в 18, **книгы** 117б 12; **вѣ|ѣти** 118а 8, **нѣынѣ** 162в 17, **слѣшавѣшаа** 164г 1; **трикратѣы ѿ** | 84б 14, **ѿкрѣ|ѣти** 20г 22, **мѣртвѣ|нхѣ** 43б 22, **сѣботѣ|и** 62в 20, **слѣ|шаша** 78а 23.

Буква «еры», являющаяся по происхождению диграфом из буквы редуцированного и буквенного знака **і** (**і** десятиричное), употребляется в ранних восточнославянских рукописях в двух вариантах: с **ъ** и с **ь**. Обычно каждый из древнерусских писцов придерживается одного из двух указанных графических вариантов «еры»: либо **ѣ**, либо **ь**. Так, например, в И76 один из его писцов употребляет **ѣ**, а другой — **ь**, что и послужило для нас одним из доказательств участия в написании рукописи двух писцов [Изборник 1076 г.: 102].

Раскрытие лигатуры **Ѣ** с немаркированной буквой редуцированного сопряжено с определенными затруднениями. Так, наряду с написаниями **пристѣпи ... ловѣзаѢ** | 128г 8-9 и **ведѣахѣ ... оуѣѢ** | 130г 23-24 отмечены случаи передачи в ТЕ форм суфина то с **ъ** на конце: **нѣ придо|хѣ во призватѣ** 62а 6-7, 101г 17-18; **пришьѣ|к|си погѣнтѣ** 60б 5-6; **идѣ ... помолі|тѣ сѣ** 69а 18-19, то с **ь**: **шьѣ| продаѣ** 26б 4-5. (Встретился также случай замены суфина инфинитивом — **изидоша| пати** и 63в 6-7).

В случае необходимости раскрытия лигатуры **Ѣ**, содержащей немаркированный буквенный знак, при издании текста возможен в данном случае, по-видимому, лишь статистический подход. Публикатор, передавая конкретное слово с **ъ** или с **ь**, должен опираться на преобладающее число написаний этого слова или его форм. Несомненно лишь одно: строго обязательны комментарии к написанию. В целях предостережения читателя от возможной ошибки при лингвистическом истолковании написаний с этой лигатурой, данная графико-орфографическая особенность непременно должна быть описана в вводных частях к публикации текста.

В результате анализа начертания и употребления в ТЕ лигатуры **Ѣ** возникают закономерные вопросы, почему и откуда в этой рукописи двуерового письма появились написания с немаркированным буквенным знаком редуцированного?

Именно избирательное и непоследовательное употребление рассматриваемой лигатуры указывает на то, что писец использовал ее в целях экономии места в строке, а также, по-видимому, как элемент

украшения письма и как прием маркирования конца строки для удобочитаемости двухстолбцового текста.

Значительно труднее дать ответ на второй вопрос.

Общеприятным является мнение о том, что графические варианты противопоставленных букв **ѣ** и **ь** в русской скорописи XVI—XVII вв. иногда совпадали в одном начертании [Бахтурина 1963: 35-37]. О случаях же графического совпадения или неразличения этих буквенных знаков в раннем восточнославянском письме мало что известно. Обращалось внимание главным образом на неустойчивость орфографических навыков древнерусских писцов в отношении употребления этимологически оправданных и не оправданных букв **ѣ** и **ь**, появление которых часто было обусловлено влиянием южнославянского письма. В отличие от раннего южнославянского письма, в котором, как предполагал И. Гыльбов, наряду с двумя школами дугероваго письма, кирилло-мефодиевской и преславской, существовали также две одноеровые: одна с **ь** — преславская, другая — с **ѣ** [Гыльбов 1986: 113-122], в ранних восточнославянских рукописях буквы **ѣ** и **ь** были графически и функционально противопоставлены. Исключения встречаются довольно редко, и в основном их появление объясняют влиянием письма южнославянских памятников.

От желания видеть в отдельных написаниях лигатуры **ѣ** (как будто с **ь** вместо **ѣ**) реминисценцию древней эпохи, отголосок влияния одноеровой (с **ь**) преславской школы письма предостерегает ограниченная сфера употребления этой лигатуры в ТЕ: почти исключительно в конце строки. Интересным в связи с этим представляется отмеченное в ТЕ написание с буквой **ь** слова, обозначающего название монеты — **скь|лльзь** 42г 21. Как указывает М. Фасмер, «только русск.-цслав. **склльзь**... сербск.-цслав. **скьлльзь**, ст.-сл. **скълльзь**» [Фасмер 1971: 642]. В рукописи, последовательно соблюдающей «правило конца строки», каковой, как отмечалось выше, является ТЕ, употребление в конце строки буквы редуцированного не удивительно. Обращает на себя внимание лишь выбор самой буквы: употребление после буквы твердого задненебного согласного буквенного знака **ь**. Отсутствие сведений об употреблении лигатуры **ѣ** вместо сочетаний **т+ѣ** и **т+ь** и наряду с ними в других древнерусских рукописях позволяет предположить, что налицо оригинальная графико-орфографическая особенность, присущая писцу ТЕ. Как индивидуальный прием письма можно рассматривать и употребление писцом Соф. ев. «третьего юса» также почти без исключения только в конце строки.

О возможных причинах появления в древнерусском письме некоторых из рассмотренных выше особенностей графико-орфографического характера, отмеченных в конце строки, можно рассуждать лишь гипотетически. С большей или меньшей степенью вероятности часть этих особенностей можно возводить к раннему южнославянскому письму, в котором значительно шире, чем в древнерусском, были представлены и «третий юс», и ижица, и как бы немаркированные в одноеровом (только с ъ или только с ь) письме буквы редуцированных.

Существование в древнем южнославянском письме, по мнению И. Гыльбова, четырех различных школ со своими особенностями графико-орфографического характера, позволяет допускать возможность сохранения в ранних восточнославянских рукописях пережитков древней эпохи.

Вместе с тем наличие в древнерусской рукописи той или иной графико-орфографической особенности, свойственной одной из этих четырех ранних южнославянских школ письма, конечно, не дает права говорить о влиянии именно этой определенной школы. Так, в правописной системе ТЕ представлены данные, которые характерны для разных южнославянских школ письма. С одной стороны, в наличии лигатуры **Ѣ** с немаркированной буквой редуцированного на месте сочетаний **т+ъ** и **т+ѣ**, казалось бы, можно усмотреть отголосок оригиналов одноеровой (с ь) преславской школы и, следовательно, связь с литературным языком книжников круга царя Симеона. С другой стороны, в отмеченных в ТЕ написаниях **тъшѣ** 58в 11 и **хуѣлшѣ** 129в 8, где **шѣ** восходит к *tj и употреблено в соответствии с глаголической буквой **Ѱ**, являющейся по происхождению лигатурой из **ш** и **ѣ** (**ч**) [Гыльбов 1980: 29-30], можно видеть реликт двуеровой кирилло-мефодиевской школы, отражающий старую (глаголическую) традицию чтения. Однако при этом следует помнить и о том, что приведенные написания с **шѣ** могут отражать и произношение древнерусского писца, поскольку, как отмечал А.Вайан, «ѣ ... читается в русских памятниках как **шч**» [Вайан 1952: 78].

Из истории русской графики и орфографии известно, что «XI в. — это время, когда в правописании древнерусских памятников вырабатываются собственные орфографические нормы, отличные от норм южнославянских» [Сидоров 1966: 27], и что русский извод старославянского языка устранял южнославянские написания, даже и не противоречившие древнерусской звуковой системе [Сидоров 1966: 29]. Однако, как видим на примере ТЕ, еще и в XII в. сохраняются употребляемые, правда, избирательно и спорадически, некоторые буквен-

ные знаки и их сочетания необычного для древнерусского письма рисунка («третий юс») или использования (ижица). Написания с лигатурой Ъ, употребляющейся в соответствии и с ть, и с ть, также следует отнести к ряду доказательств отсутствия у древнерусских писцов XII в. твердых орфографических навыков в употреблении букв ъ и ь.

Таким образом, даже только некоторые из отмеченных в раннем восточнославянском письме, в частности в ТЕ, графико-орфографические особенности употребления буквенных знаков в конце строки свидетельствуют о том, что и в XII в. процесс становления древнерусского правописания еще продолжается. Рассматриваемым буквенным знакам впоследствии и сравнительно скоро после XII в. суждено либо исчезнуть из восточнославянского письма, как «третий юс», либо выполнять строго определенную роль, как ижица, которая стала писаться только в словах неславянского происхождения. Упорядочится в древнерусском письме со временем в большей степени и употребление буквенных знаков ъ и ь, которое уже будет значительно меньше зависеть от письма одноеровых с ь или с ъ южнославянских оригиналов.

Обстоятельное лингвистическое исследование ТЕ в полном объеме в дальнейшем, надо полагать, будет способствовать более надежному объяснению случаев употребления и соотношения в этой рукописи этимологически оправданных или не оправданных буквенных знаков, в том числе ижицы и ъ, ь.

Список источников и литературы

- Бахтурина 1963 — *Бахтурина Р. В.* Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов // Лингвистическое источниковедение. М., 1963.
- Вайан 1952 — *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Гольщенко 1962 — *Гольщенко В. С.* К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к *тъгъ, *тъгъ, *тъгъ в древнерусском языке XII–XIII вв. (На материале рукописи Чудовского собрания № 12) // Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962.
- Гольщенко 1982 — *Гольщенко В. С.* Немаркированный знак у в ранних восточнославянских рукописях // История русского языка. Памятники XI–XIII вв. М., 1982.
- Гольщенко 1987а — *Гольщенко В. С.* Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв. М., 1987.
- Гольщенко 1987б — *Гольщенко В. С.* Немаркированные буквенные знаки и их передача в лингвистических изданиях // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987.

- Гольшченко 1995 — *Гольшченко В. С.* Переднеязычные аффрикаты в графике ранних восточнославянских рукописей // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995.
- Гъльбов 1980 — *Гъльбов И.* Старобългарски език с увод в славянското езикознание. София, 1980.
- Гъльбов 1986 — *Гъльбов И.* Ранни школи на стария български книжовен език // Избрани трудове по езикознание. София, 1986.
- И73 — Изборник Святослава. 1073 г. ГИМ, Син. 1043 (Син. 31-д).
- И76 — Изборник. 1076 г. РНБ, Эрмитажное собр., № 20.
- Изборник 1076 г. — Изборник 1076 года / Изд. подг. В. С. Гольшченко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.
- Князевская 1984 — *Князевская О. А.* Фрагменты одной древнерусской рукописи XII в. // Вопросы русского языкознания. История русского языка в древнейший период. МГУ, 1984. Вып. 4.
- Кривко 1998 — *Кривко Р. Н.* Бычковско-Синайская псалтырь как источник по истории русского языка. АКД. М. 1998.
- Сидоров 1966 — *Сидоров В. Н.* Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- Соф. Ев. — Евангелие апостолов. XII в. НБКМ, София, № 25.
- ТЕ — Типографское Евангелие. XII в. РГАДА, ф. 381, № 1.
- Тот 1973 — *Тот И.* Един езиков паметник в Софийската народна библиотека «Кирил и Методий» // Език и литература. София, 1973. № 3.
- Фасмер 1971 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III.
- Цонев 1910 — *Цонев Б.* Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София. София, 1910. Т. I.
- Чуд. — Слово Ипполита об антихристе. XII в. ГИМ, Чудовское собр., № 12.